

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

✿ Книга 14 ✿

Ярмарка потерянных сказок



Заворотино:
деревня между мирами

Виктор Алеветдинов

Ярмарка потерянных сказок

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Ярмарка потерянных сказок / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

В Заворотино снова беда. На Чёртовом Пятачке появляется странная ярмарка, где продают не пироги и ленточки, а потерянные сказки, чужие судьбы, недосказанные признания и жизни, от которых когда-то отказались. Сначала всё кажется почти праздником: смешные лавки, хитрые торговцы, роли напрокат, чудеса со скидкой и Бурчик, который внезапно решает стать боевым скакуном. Но у каждого желания есть цена. За спокойный день можно заплатить чужой спасённой судьбой. За тишину — исчезнувшей историей. За отдых — миром, в котором больше некому помочь. Агафье Ладиной предстоит понять: что дороже — долгожданный покой или шумная, опасная, родная жизнь, где даже сказки нуждаются в защите? «Ярмарка потерянных сказок» — тёплое, смешное и немного тревожное деревенское фэнтези о памяти, выборе, дружбе и чудесах, которые нельзя покупать без сдачи.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Афиша без гвоздей	5
Глава 2. Торговцы недосказанным	10
Глава 3. Чужая роль на прокат	15
Глава 4. История без портала	21
Глава 5. Утро, в котором петух молчит	27
Глава 6. Сосед Чудин и недосказанный чай	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктория Ончукова, Виктор Алевветдинов

Ярмарка потерянных сказок

Глава 1. Афиша без гвоздей

Утро в Заворотино началось не с петуха, а с каши. Каша убежала из кастрюли, разлеглась по плите и пузырилась так самодовольно, будто всю ночь ждала именно этого момента.

Агафья Ладина стояла с ложкой в руке и смотрела строго.

— Ну и куда ты собралась? — спросила она. — Я тебя варила, а не отпускала на ярмарку.

Из сеней донёлся топот. Дверь распахнулась, и на кухню вошёл Генерал Громыхало. Петух был взъерошен, важен и явно собирался командовать, хотя его никто не назначал.

— Нарушение порядка во дворе! Куры пересекли кормовую линию без разрешения!

— У тебя вся жизнь кормовая линия, — сказала Агафья. — Марш отсюда, пока я тебя в суповой отчёт не внесла.

У порога сидела Марфа-Полночица. Перед ней стояло блюдо со сметаной. Целое. Нетронутое. Для Марфы это было почти официальное заявление о бедствии.

— Ты чего, старая? Сметана не той системы?

Марфа не мякнула. Она смотрела в окно, туда, где за огородами начиналась дорога к Чёртову Пятачку.

— Не нравится мне это, — сказала Агафья.

После истории с детским порталом Заворотино третье утро подряд спорило, кто виноват в игровой калитке. Виноватых было много, а толку мало: пять минут без присмотра в этой деревне давно считались опасным сроком.

Агафья вытерла плиту, накормила кур и пошла проверить калитку. Та стояла у старого забора — маленькая, деревянная, с медной щеколдой. Если к ней подходил ребёнок с доброй фантазией, доски тептели и на них проступали мелом кораблики, замки и драконы.

Сегодня калитка молчала.

— Вот и правильно, — сказала Агафья. — Молчание тебе к лицу.

Из бывшего клуба донёлся протяжный вздох. Там теперь был санаторий «Тихий Пятачок» — дом отдыха для тех, кто слишком долго пугал людей и устал. На крыльце леший Степан Мохнатый жаловался на храпящую сову, а за клубом дракон малой мощности грел теплицу и старался не чихать дымом на помидоры.

Всё выглядело почти нормально. Для Заворотино это значило только одно: беда ещё не вошла, но уже топталась на крыльце.

У магазина стояли Прасковья Шептунова и Филимон Балагуров. Прасковья говорила быстро и для всех сразу. Филимон слушал с невинным видом, а это всегда было хуже признания.

— Я вам точно говорю, — заявляла Прасковья, — детей винить нельзя. А кто записи оставил? Архип. Кто инструменты не спрятал? Архип. Кто кошку не допросил? Никто. Вот где ошибка.

— Кошку допрашивать опасно, — сказал Филимон. — Она молчит, а ты уже виноват.

— Марфа не кошка для допросов, — сказала Агафья. — Если бы она заговорила, половина деревни переехала бы в лес от стыда.

Прасковья сразу повернулась к ней.

— Агафья, эта игровая калитка точно безопасная?

— Если головой пользоваться.

— А если дети?

— Тогда рядом должна быть взрослая голова. Желательно не пустая.

Филимон хмыкнул, но тут со стороны Чёртового Пятачка донёлся странный хлопок. Не громкий, не страшный. Будто кто-то расправил большую бумагу и встряхнул её на ветру.

Все замолчали. Хлопок повторился.

— Вот, — сказал Филимон. — А вы на меня. Я сегодня ещё ничего не успел.

— Это и пугает, — сказала Агафья.

К околице они пошли втроём. Потом к ним присоединились две соседки, Громыхало в качестве самоназначенного караула и Бурчик, который выкатился из Архипова сарая без спроса.

Архип Чудин выскочил следом с гаечным ключом в руке.

— Что там?

— Ещё не знаем, — сказала Агафья. — Поэтому ключом пока не маши. В прошлый раз ты «ещё не знаем» за пять минут до портала починил.

— Я тогда петлю чинил. Портал сам подлез.

— Вот пусть теперь сам и не подлезает.

Чёртов Пятачок лежал за деревней, как всегда: круглая пустая плешь, где трава росла неохотно, зато слухи всходили густо. В этот раз посреди Пятачка висела афиша.

Она висела прямо в воздухе. Без столба, без верёвки, без гвоздей. Большой жёлтый лист чуть покачивался, а тёмно-синие буквы на нём сияли так уверенно, будто им тут давно отвели место.

Агафья подошла ближе и прочитала:

— «Потерянные сказки. Концовки, мечты, судьбы. Недорого. Возможен обмен».

Прасковья ахнула.

— Судьбы? Недорого? А оптом дешевле?

— Тебе зачем судьбы оптом?

— Не себе. Для деревенской статистики.

Филимон обошёл афишу кругом. С другой стороны буквы тоже были на месте и поворачивались вслед за ним.

— А розыгрыши без последствий есть? — спросил он.

Афиша дрогнула. Внизу проступила строка: «Уточняйте в лавке недосказанного смеха».

— Вот! — обрадовался Филимон. — Серьёзное заведение.

— Серьёзное заведение без разрешения не висит, — сказала Агафья. — У нас тут хранители есть.

Архип подошёл к афише с видом мастера, который уже видит внутреннее устройство.

— Интересно, на чём держится. Бумажное поле? Воздушная петля?

— Руки убери.

— Я глазами.

— У тебя глаза с отвёрткой связаны.

Бурчик подъехал к краю Пятачка и важно фыркнул. На капоте у него лежала свежая тряпочка, словно трактор приготовился к мероприятию.

— Ему чего надо? — спросила Прасковья.

— Транспортное сопровождение, — сказал Архип.

— Сопровождение пусть стоит и не сопровождает беду первым, — отрезала Агафья.

Филимон тем временем достал огрызок карандаша. Вид у него стал совсем невинный.

— Балагуров, даже не думай.

— Я только точку поставлю. Афиша без точки — письменное безобразие.

Он наклонился и попытался приписать что-то снизу. Бумага вспыхнула, буквы сами перестроились и выдали новую фразу: «Посетителям с сомнительными шутками рекомендуется держать руки при себе».

Прасковья расхохоталась.

— Филимон, тебя бумага пристыдила!

Афиша подумала и добавила: «Орфография исправлена. Нравственность — на усмотрение автора».

— Это не бумага, — сказал Филимон с достоинством. — Это конкурирующий рассказчик.

Агафье было смешно, но смех не отменял тревоги. Афиша появилась сама. Без вызова, без ведомства, без детской калитки. Просто повисла посреди Пятачка и предлагала судьбы, будто семечки у магазина.

Она шагнула ближе. Бумага пахла старой книгой, яблочным вареньем и печной золой. Марфа-Полночица вышла из травы и села рядом. На Пятачок она не зашла. Только посмотрела на афишу и отвернулась.

— Вот и я так думаю, — тихо сказала Агафья.

К полудню на Пятачке собралась почти вся деревня. Пришли те, кто «просто мимо», и те, кто «за грибами», хотя корзины не взяли. Пациенты санатория тоже подтянулись под видом лечебной прогулки.

Мирон Перьев прибыл с папкой. Алёна — с телефоном, который возле Пятачка сразу сделал вид, что не знает слово «связь».

— Объект не зарегистрирован, — сказал Мирон. — Требуется согласование.

— С кем? — спросила Алёна.

Мирон открыл папку, посмотрел на чистый лист и помрачнел.

— Сложный вопрос.

— Растёшь, — сказала Алёна. — Уже признаёшь, что не всё можно оформить.

Мирон подошёл к афише и официально кашлянул.

— Прошу предоставить сведения об организаторе, товарах, условиях обмена и мерах безопасности.

Афиша зашуршала. На ней проявились четыре печати: одна ссылалась на незапамятные времена, другая спорила, третья ставила подпись, которой не было, четвёртая просто расплылась кляксой.

Мирон побледнел от профессиональной боли.

— Это не документ.

— Почему? — удивилась Прасковья. — Бестолковый, с печатями, никто ничего не понял. Самый настоящий документ.

В этот момент воздух за афишей пошёл складками. Из них выскользнул край шатра, потом деревянная стойка, кусок крыши и прилавок, будто ярмарка не строилась, а вспоминала, что всегда тут стояла.

Первый шатёр был сшит из старых книжных страниц. На одной мелькнула царевна с упрямым лицом. На другой волк нёсся куда-то с опозданием. На третьей дрожала строка письма: «Я хотел сказать тебе давно...» Дальше слова исчезали.

Потом вырос зелёный шатёр, будто из листьев и театральных занавесок. Следом низкая лавка с дверцей в половину человеческого роста. Из неё высунулся маленький продавец в поло-сатом колпаке и бодро крикнул:

— Концовки! Счастливые, спорные, недожитые! Две мечты по цене одного сожаления!

— Гарантия есть? — спросил Филимон.

— На чужую мечту гарантия не распространяется! — ответил продавец. — Но завернуть можем красиво.

Со всех сторон появлялись лавки: стол с маленькими дверцами без ручек, корзина с засушенными лепестками, полка с пузырьками, где шептали недоговорённые слова. Над шатрами

завучала музыка. Простая, знакомая и забытая. Такая могла играть на сельском празднике или в детстве перед сном.

Деревня двинулась вперёд.

— Стоять! — сказала Агафья.

Остановились почти все. Бурчик сделал вид, что к нему команда не относится, потому что он транспорт. Громыхало тоже сделал шаг, но исключительно для разведки.

— Никто ничего не покупает, — громко сказала Агафья. — Никто ничего не примеряет. Никто не меняет воспоминания, мечты, поясницу и молодость на неизвестно что. Филимон, тебя это касается первым.

Филимон уже стоял у лавки «Смех без расплаты». Он виновато убрал руки за спину.

— Я только цену спросил.

— И какая?

— Один неловкий случай из молодости.

Прасковья оживилась:

— У тебя их сколько?

— Мне самому надо, — сказал Филимон. — На старость.

Прасковья оказалась у прилавка «Тайны соседок, слегка подержанные». Торговка предложила обмен: чужая тайна за одну собственную, которую никто не знает.

— Это что же выходит? — возмутилась Прасковья. — У порядочной женщины такая тайна всего одна? Вы меня не оскорбляйте.

Агафья оттащила её за рукав.

— После твоей безопасности общественность по погребам прячется.

Архип, конечно, нашёл лавку «Истории, где техника работает с первого раза». Он стоял перед ней с таким лицом, будто ему показали райскую мастерскую.

— Чудин, издали смотри.

— Представляешь, двигатель заводится без уговоров, печка не дымит, Бурчик не ревет к телеге...

Бурчик оскорблённо загудел.

— Техника, которая не ломается, тебе зачем? Ты без поломок через день заскучаешь.

Архип подумал.

— Тоже правда. Но красивая мечта.

Агафья отвернулась, будто только за лавками следила. На деле слова зацепили и её. Все хотели чего-то полегче: шутку без последствий, тайну без цены, технику без поломок. Даже лучший Степан подошёл и спросил тихо, нельзя ли купить сон без кошмаров.

— Нельзя пока, — сказала Агафья уже мягче. — Сначала узнаем, что за цена.

— А если маленькая?

— У таких вещей маленькая цена только на вывеске.

Степан послушно отошёл. Агафья смотрела ему вслед и вдруг почувствовала усталость. Всем опять было нужно чудо. Всем хотелось легче. А ей снова стоять посреди этого с лицом строгой хозяйки и следить, чтобы никто не обменял свою жизнь на красивую бумажку.

— Хозяйка, — произнёс рядом незнакомый голос, — вы смотрите так, будто уже нашли свой ряд.

Перед ней стоял торговец. Невысокий, сухой, в длинном жилете с множеством карманов. Лицо приятное, даже доброе, только глаза старше лица. За плечом висела сумка, из которой торчали ярлыки, перья и свернутые листы.

— Я ничего не ищу, — сказала Агафья.

— Это самые надёжные покупатели, — улыбнулся он. — Кто ничего не ищет, тот обычно давно устал находить.

— У нас здесь хранители есть. Ярмарки на Пятачке без спроса не ставят.

Торговец оглядел шатры, лавки, толпу, Бурчика и Громыхало, который уже командовал двумя пустыми корзинами.

— Разве мы поставили? Мы появились там, где нас позвали.

— Я не звала.

— Не вы одна здесь живёте.

— Но отвечаю часто я одна.

Он кивнул, будто ждал именно этих слов.

— Хранители тоже иногда устают от своих историй.

Фраза попала туда, куда чужому человеку попадать не полагалось. Агафья крепче сжала скалку.

— Ты мне зубы не заговаривай. Кто главный?

— Главный подойдёт, когда история будет готова.

В дальнем ряду вспыхнули фонари из стеклянных банок. В каждой банке светился маленький сюжет: девочка бежала за красным шаром; старик стоял у калитки и не решался войти; царевна рвала письмо и тут же пыталась собрать обрывки. На верёвках висели ярлыки: «Подвиг без синяков», «Прощение, сказанное вовремя», «Финал без свекрови».

— Красиво, — шепнула Прасковья. — Может, правда праздник? Без комиссии, без конца света, без ведомственного приказа.

— Праздник, который не спрашивает разрешения, потом сам решает, когда закончится, — сказала Агафья.

Прасковья хотела возразить, но замолчала. Марфа всё ещё сидела у границы Пятачка и не заходила внутрь.

Агафья проследила за её взглядом. На дальнем краю ярмарки стоял человек в тёмном кафтане. Он не зазывал и не торговал, толпе не улыбался. Только смотрел. Рядом суетился маленький помощник с кипой ярлыков.

Человек в кафтане миновал взглядом деревню, афишу, Мирона с папкой и Филимона у лавки смеха. Он смотрел прямо на Агафью.

Архип подошёл ближе.

— Ну что? Разгонять будем или сначала разберёмся?

— Сначала разберёмся, — сказала Агафья. — Разгонять потом легче, когда знаешь, кого.

— Я рядом.

Он сказал это просто, без хвастовства. От таких слов становилось спокойнее, хотя Агафья не собиралась признавать это даже под протокол.

Человек в тёмном кафтане наклонился к помощнику. Слова были тихие, но Агафья почему-то услышала их ясно:

— Вот эта давно не позволяла себе хотеть тишины.

И ярмарочная музыка стала на одну ноту ниже.

Глава 2. Торговцы недосказанным

Прасковья Шептунова честно собиралась стоять рядом с Агафьей и никуда не лезть. Она даже руки на животе сложила, чтобы выглядело строго. Но ярмарка шумела, звенела, пахла яблоками, старой бумагой и чужими тайнами, а это уже было не любопытство. Это была общественная необходимость.

— Я на разведку, — сказала Прасковья.

Агафья стояла у входа между двумя шатрами со скалкой в руке. Лицо у неё было такое, что любой торговец должен был сам завернуться в свой товар и уйти домой.

— Какая ещё разведка?

— Обычная. Соседская. Я же не покупать, я посмотреть.

— Ты когда смотришь, потом вся деревня знает даже то, чего не было.

— Так людям надо объяснить, чего опасаться.

— Сначала сама не вляпайся.

Прасковья обиделась для порядка. Если Агафья закроет прямую дорогу, придётся пробираться боком, а это хуже для репутации.

— Агаша, ну кто там разберётся? Мирон бумажки мучить будет, Архип к лавке с гайками прилипнет, Филимон себе беду со скидкой найдёт. А я сразу вижу, где подвох.

— Ты подвох видишь уже после того, как его всем пересказала.

— Зато быстро.

Агафья вздохнула.

— Руками ничего не трогай.

— Конечно.

— Ртом тоже аккуратнее.

— Вот это уже нарушение гражданских прав.

— Это техника безопасности.

Прасковья поправила платок и пошла между шатрами. Ярмарка была устроена хитро: не просто показывала товар, а угадывала, кто мимо идёт. Перед мужиками вспыхивали подвиги, перед бабками — молодость без больной спины, перед нечистой — покой без страшной службы. А перед Прасковьей распахнулся ряд с вывеской «Недосказанное».

Под вывеской тянулись маленькие прилавки. На одном лежали извинения, похожие на тёплые камушки. На другом стояли пузырьки с признаниями. Внутри шевелились слова, но прочитать их было нельзя. В ящике рядом лежали письма, которые никто не отправил.

Прасковья остановилась у коробки с надписью: «Несостоявшиеся предложения руки и сердца. Возможна подгонка».

— Вот это товар, — сказала она. — У нас бы половина деревни посмотрела, кому что не предложили.

Из-за прилавка выглянула торговка в синем платке, расшитом серебряными запятыми.

— Интересует предложение? Есть робкие, поздние, несвоевременные. Есть одно почти сказанное у колодца, но оно пахнет дождём и трусостью.

— Мне не надо, — сказала Прасковья. — Я для статистики.

— Статистика любит несостоявшиеся браки.

— А это что?

Прасковья кивнула на длинный ящик.

— Письма, которые не отправили.

— Чужие читать можно?

— Можно. Если купите.

— А если не куплю?

— Тогда письмо само прочитает вас.

Прасковья убрала руки за спину. Она любила чужие новости, но не настолько, чтобы новость полезла в неё обратно.

Рядом стояли баночки: «Прости», «Я скучал», «Я тогда соврал», «Ты была права». Последняя дрожала чаще других.

— А тайны есть? — спросила она как можно спокойнее.

Торговка достала из-под прилавка плоскую шкатулку с медной защёлкой. Шкатулка шептала, но слов не разобрать.

— Тайны соседок. Слегка подержанные. Без тяжёлых последствий, если не вскрывать при свидетелях.

Прасковья почувствовала радостный укол. Тайна, которую никто не знает, лежит без пользы. А если её знает Прасковья, она уже при деле.

— Сколько?

— Деньги только для вида. Настоящая цена другая.

— Какая?

— Одна ваша тайна, которую никто не знает.

Прасковья даже оскорбилась. Не ценой, нет. Другое было обидно.

— Это что же, по-вашему, у меня такая тайна всего одна?

— А больше есть?

— У порядочной женщины всегда есть запас.

— Тогда можете выбрать товар крупнее.

Прасковья уже открыла рот, чтобы ответить достойно, но внутри вдруг неприятно шевельнулось. Она вспомнила не ту тайну, которую можно пересказать у забора и посмеяться. Настоящую. Про то, что вечером, когда все новости уже розданы, дома бывает тихо до звона. И что страшно однажды перестать быть нужной, если перестанешь знать всё обо всех.

Шкатулка сама щёлкнула защёлкой, будто услышала.

— Нет, — сказала Прасковья резко. — Не беру.

— Цена подходит.

— Мои тайны мне самой нужны. Для внутреннего пользования.

Торговка не спорила. Прасковья отошла от прилавка и сделала вид, что просто идёт дальше. На самом деле ей стало неудобно. Ярмарка лезла не к ушам, а глубже.

У центральной лавки уже стоял Мирон Перьев. Папку он держал перед собой, как щит. Алёна стояла рядом и наблюдала не за бумагами, а за товарами.

— Прошу предоставить лицензию на межмировую торговлю нематериальными объектами, — сказал Мирон продавцу в зелёном жилете.

Продавец достал свиток. Свиток сам раскатился до земли, подпрыгнул, свернулся обратно и опять раскатился. На пергаменте красовались печати, подписи и важная клякса.

Мирон наклонился.

— Здесь указано: «Разрешено тем, кто помнит». Это не юридическая формулировка.

— Очень древняя, — сказал продавец.

— Древность не заменяет реквизиты.

Одна печать на свитке шевельнулась и пискнула:

— Сам ты реквизит!

Мирон выпрямился.

— Печати не должны вступать в устную переписку.

Вторая печать фыркнула:

— А чиновники не должны душировать сказку в колыбели.

Алёна засмеялась.

— Мирон, кажется, документ живее многих ваших инструкций.

Прасковья подошла ближе. Мирон пытался классифицировать лоток с недосказанными признаниями. Признания, едва он на них смотрел, прятались в пузырьки и краснели.

— Объект торговли, — бормотал он. — Фраза эмоционального назначения. Состояние — несказанное. Риск воздействия на судьбу — высокий.

— Пиши проще, — сказала Алёна. — Опасно, потому что люди молчат.

Мирон замер с пером.

— Это не классификация.

— Зато правда.

Один пузырёк подкатился к Алёне и тихо стукнулся о край стола. Внутри мелькнули слова, но она отвернулась. Мирон увидел это и стал серьезнее.

— Товар реагирует на покупателя.

— Не на покупателя, — сказала Алёна. — На то, что человек не хочет признавать.

Прасковья поёжилась. После шкатулки с тайнами она была с Алёной согласна, хотя вслух это признала бы только под пыткой пирогами.

— А реестр товаров есть? — спросил Мирон.

Продавец хлопнул в ладоши. Перед ним появился список. На первой строке было: «То самое слово». На второй: «Запоздалое да». На третьей: «Смелость на пять минут». Дальше список смутился и свернулся.

— Это не реестр, — сказал Мирон устало.

— А что?

— Поэтическая провокация.

С другого конца ряда донёсся голос Агафьи:

— Я сказала: пока ничего не брать!

Толпа расступилась. Агафья шла между лавками, а рядом с ней Архип изображал человека, который ничего не трогал. На пальце у него болталась бумажная бирка: «История мастера, у которого всё получилось с первого раза».

— Это само прицепилось, — объяснил он.

— У нас всё само, — сказала Агафья. — Порталы открываются без спроса, трактора лезут куда не надо, мужики возле вредного товара оказываются.

— Я только прочитал.

— А палец зачем подставил?

Бирка пискнула:

— Покупатель сомневается. Предложить скидку?

Агафья сорвала её и сунула продавцу.

— Предложи себе совесть.

— Совесть временно отсутствует, — поклонился продавец. — Можем записать вас в очередь.

— Запиши себя за куст и стой там молча.

Прасковья с удовольствием отметила, что Агафья держит ярмарку в тонусе. Но сама ярмарка будто ждала запрета. Стоило Агафье повысить голос, как на ближайшем шатре появилась новая табличка: «Запрещённое хранильницей — особая цена».

Толпа ахнула.

Филимон присвистнул.

— Вот это реклама. Сразу хочется.

— Тебе и без рекламы хочется, — сказала Агафья.

Прасковья заметила, что товары стали ярче. Пузырьки засветились теплее, письма высунули уголки из конвертов, а шкатулка с тайнами приоткрылась и снова закрылась, словно подмигнула именно ей.

— Агафья, твой запрет им на пользу пошёл.

— Вижу.

— Может, запретить наоборот? Сказать: покупайте все, кому жить надоело.

— Народ сначала спросит, есть ли скидка для пенсионеров.

Громыхало залез на пустой ящик и расправил крылья.

— Объявляю торговую тревогу! Куры к прилавкам не допускаются! Люди допускаются только под присмотром здравого смысла!

Деревня засмеялась. Смех был лёгкий, почти праздничный. Прасковье от этого стало тревожнее. Беда не обязана рычать и дымиться. Иногда она пахнет яблоками и обещает, что всё будет легко.

Алёна подошла к Прасковье.

— Вы что-то нашли?

— Нашла, что тут всё вредное. Особенно то, что хочется.

— Значит, ярмарка работает точно.

— Ты городская, умная. Объясни: если человеку дают чужую тайну за свою, это торговля или грабёж?

Алёна подумала.

— Если человек понимает цену и соглашается — торговля. Если цену прячут — грабёж. А если знают, что он не сможет отказаться, тогда ловушка.

— Я бы сказала короче: свинство.

Мирон подошёл к ним со свитком в двух пальцах.

— Лицензия недействительна. Печати не признают друг друга, адрес указан как «между было и могло быть», перечень товаров неполный. Фраза «возможен обмен» не раскрывает предмет обмена.

Прасковья уважительно посмотрела на него.

— Когда ты говоришь почти по-человечески, сразу страшнее.

Агафья тем временем поднялась на широкий камень у края Пятачка. Камень раньше там не стоял, но сейчас было не до камней.

— Слушайте сюда! — громко сказала она. — До выяснения никто ничего не покупает, не берёт в руки, не нюхает, не примеряет и не меняет. Даже если товар сам просится, а табличка обещает счастье без прополки огорода.

— А если счастье с прополкой? — спросил Филимон.

— Тебе лично будет с окучиванием.

Народ засмеялся осторожнее. Агафья обвела всех взглядом.

— Хотите праздник — будет праздник. Посмотрели, послушали музыку, пошли домой пить чай. А с судьбами играть не надо. Своя, может, и беспокойная, зато притёртая.

Прасковья вдруг поняла, что Агафья говорит не только деревне. Она будто себе это сказала. У каждого здесь была своя судьба: с ошибками, обидами, недосказанным, с тем, что на ярмарке не купишь и обратно не сдашь.

Торговцы слушали вежливо. Никто не спорил. Но рядом с первой табличкой на шатре проступила новая строка: «Запрет действует до первого настоящего желания».

— Вот ведь умники, — пробормотала Прасковья.

Агафья тоже увидела надпись. Лицо у неё стало спокойнее, а это был плохой знак.

— Мирон, фиксируй: ярмарка провоцирует жителей.

— Уже фиксирую.

— Алёна, смотри, кто к чему тянется. Не за товаром — за людьми.

— Поняла.

— Прасковья...

— Я ничего не взяла!

— Я ещё не спросила.

— Но ты бы спросила.

Агафья посмотрела на неё мягче.

— С ряда недосказанного глаз не спускай. Там больше всего липкого.

Прасковья кивнула. Ей стало приятно, что ей доверили важное задание, и неприятно, что оно уже успело залезть под кожу.

Она снова пошла вдоль лавок. Теперь осторожнее. Торговка в синем платке улыbnулась издалека и приоткрыла шкатулку. Прасковья отвернулась. Письма шуршали, баночки с «Ты была права» тихо звенели. Один свёрток с надписью «Слова, которые могли удержать» пока- тился к её ногам.

Прасковья остановилась.

— Ишь ты. Ко мне не надо. Я удерживать никого не собиралась.

Свёрток замер. Нитка на нём дрогнула. На миг Прасковье послышался мужской голос, почти забытый. Не слова даже, а интонация. Был когда-то человек, который мог остаться. Или она могла попросить. Но не попросила: гордая была, бойкая, всем нужная.

Она резко подтолкнула свёрток носком обратно к прилавку.

— Не ко мне, сказала.

Торговка промолчала. Только глаза у неё стали внимательнее.

Прасковья пошла быстрее. Теперь она точно знала: ярмарка видит не деревенскую сплет- ницу, а женщину, которая чужими новостями закрывала собственную тишину. Такое знание ей не нравилось. Его нельзя было повернуть в смешную историю у магазина.

У дальнего поворота ряд вдруг расступился. Прасковья увидела Агафью. Та стояла чуть в стороне от толпы и смотрела на серый шатёр, которого раньше не было. Шатёр был тихий, без фонарей и зазывал. На нём висела простая вывеска, будто написанная пеплом.

Прасковья прищурилась, но слов не разобрала.

— Агаша, что там?

Агафья не ответила. Она смотрела на вывеску так, словно та позвала её по имени.

Прасковья подошла ближе. Буквы на серой ткани расплылись у неё перед глазами и стали узором.

— Да что написано-то?

Агафья медленно произнесла:

— «Жизни, от которых вы отказались».

Прасковья посмотрела на серый шатёр, потом на Агафью и поняла, что вывеску видит только она. Ярмарка вокруг смеялась, звенела пузырьками и торговалась с деревней, а у этого шатра было тихо.

Агафья сделала шаг вперёд.

Прасковья схватила её за рукав.

— Ты сама сказала: ничего не трогать.

Агафья не сразу повернула голову. В глазах у неё была усталость, которую она обычно прятала за скалкой, чайником и распоряжениями.

— Я и не трогаю, — сказала она.

Но серый шатёр уже приоткрыл полог, будто давно ждал именно этих слов.

Глава 3. Чужая роль на прокат

Филимон Балагуров стоял у лавки «Смех без расплаты» и чувствовал, что жизнь опять несправедлива. С одной стороны, Агафья запретила всем покупать, брать, нюхать и даже интересоваться товаром с серьёзным лицом. С другой стороны, ярмарка сама подсовывала вывески туда, куда человек смотрел.

А человек, если он Филимон, не может не смотреть на вывеску, где обещают розыгрыши без последствий. Это уже не любопытство, а проверка качества.

— Я ничего не покупаю, — сказал он сам себе. — Я глазами изучаю. Глаза у меня пока не поднадзорные.

За спиной спорили Мирон и продавец лицензий. Прасковья следила за рядом недосказанного, но сама всё время косилась на шкатулку с чужими тайнами. Агафья стояла у серого шатра и делала вид, что не смотрит на вывеску «Жизни, от которых вы отказались».

Филимон решил, что обстановка требует разрядки.

Между двумя книжными шатрами открылась узкая улочка. Её раньше не было. На входе висела табличка: «Героические роли. Прокат. Первые пять минут — почти бесплатно».

Филимон остановился.

— Почти бесплатно — это, конечно, мошенничество, — сказал он. — Но ради науки можно узнать, в чём именно.

Из лавки вышел худой продавец с усами в разные стороны. На плечах у него висели плащи, кольчуги, шапки, пояса и один трагический взгляд в деревянной рамочке.

— Господину требуется роль? — спросил продавец.

— Господину требуется понять, как вы тут население дурите.

— Есть роль народного разоблачителя. Хриплый голос, праведный гнев, лёгкая усталость от человечества.

— Нет, это у меня своё. Что-нибудь смешнее есть?

Продавец снял с вешалки тёмный плащ.

— Молчаливый суровый богатырь с трагическим взглядом. Очень ходовой товар. Не шутит, не оправдывается, смотрит вдаль. Все сразу уважают.

Филимон насторожился.

— Совсем не шутит?

— Совсем. Зато походка тяжёлая, прошлое загадочное, плечи шире на два вершка.

— На пять минут можно? Проверить, так сказать, вредность для организма.

— На пять минут роль почти не прирастает.

Слово «почти» Филимону не понравилось. Но вокруг уже собиралась толпа, а когда народ смотрит, отступать поздно. Прасковья издалека смотрела так внимательно, будто уже сочиняла три версии происшествия.

— Ладно, — сказал Филимон. — Только без обмана. Я человек после конца света осторожный.

Продавец накинул на него плащ. Ткань легла тяжело, как мокрый тулуп. Филимон хотел сказать что-нибудь про героическую сырость, но язык будто прилип к нёбу.

Он нахмурился. Толпа ахнула.

— Смотрите, — сказал кто-то. — Балагуров молчит.

Филимон хотел возмутиться. Хотел ответить, что молчит не он, а временная ярмарочная глупость. Но наружу вышел только медленный поворот головы и взгляд куда-то за дальний шатёр.

Прасковья подошла ближе.

— Филимон? Ты живой?

Он открыл рот и услышал собственный низкий голос:

— Я пришёл.

Деревня захопала. Филимон внутри застонал. Куда пришёл? Зачем пришёл? Он сам не знал, но роль знала за него и держала лицо каменным.

— Вот бы тебя таким на собрание, — сказала Прасковья. — Минут десять тишины — и народ оздоровился.

Филимон повернулся к ней. В груди тяжело шевельнулась чужая важность.

— Смех слаб.

Прасковья отступила.

— Ой. Это уже не смешно.

Филимон был с ней согласен. Шутка без права пошутить оказалась хуже каши без соли. Он попытался снять плащ, но руки не поднялись. Роль держала мягко, вежливо и крепко.

Прасковья решила, что теперь ей тоже надо проверить ярмарку. Она подошла к соседней лавке, где висели серые накидки и белые платки. Вывеска обещала: «Мудрые отшельницы. Ответы на все вопросы. Молчание обязательно».

— Это что за издевательство? — спросила Прасковья. — Ответы есть, а говорить нельзя?

Из шатра выглянула круглая старушка.

— В этом и мудрость.

— Нет, милая, это не мудрость. Это порча полезной информации.

— Первые десять минут бесплатно.

Агафья резко обернулась.

— Прасковья!

Но белая накидка уже легла Прасковье на плечи. Лицо у неё стало спокойным, глаза глубокими, а рот закрылся с такой силой, что несколько жителей невольно перекрестились от счастья.

— Ну? — спросила Агафья. — Что чувствуешь?

Прасковья подняла палец, открыла рот, закрыла и побагровела.

— Говорить нельзя? — уточнила Алёна.

Прасковья кивнула. Кивок вышел такой злой, что платок съехал на ухо.

Филимон в плаще мрачно произнёс:

— Молчание — путь.

Прасковья посмотрела на него так, что любой путь сразу захотел свернуть в лес. Она явно знала всё: кто врёт, кто чего хочет, почему свиток Мирона дымится и чем опасен серый шатёр. Но сказать не могла.

Сначала деревня радовалась. Потом стало тревожно. Прасковья начала писать носком ботинка на земле, но буквы превращались в красивые завитки. Она замычала, замахала руками и чуть не задела торговку платком.

— Снимайте с неё это, — сказала Агафья. — Она сейчас от молчания лопнет.

Старушка развела руками.

— Роль держится, пока человек верит, что она ему подходит.

Прасковья замотала головой. Видно было: не подходит. Но накидка всё равно липла к плечам. Видимо, где-то в глубине Прасковье нравилось знать ответы на всё, даже если нельзя их выкрикнуть через всю деревню.

Архип Чудин стоял рядом и старался не смотреть на лавку с вывеской «Мастер без ошибок». Старался плохо. Лавка была скромная: чистый стол, аккуратные инструменты, ни одной ржавой гайки. Для Архипа это выглядело подозрительнее любого дракона.

Продавец в кожаном фартуке протянул ему тонкие перчатки.

— Хотите примерить историю мастера, у которого ничего не ломается?

— Так не бывает, — сказал Архип.

— Потому и ценится.

— А если ничего не ломается, что он чинит?

— Он делает сразу правильно.

Архип усмехнулся.

— Сразу правильно — это скука с инструментами.

Но руки всё равно потянулись к перчаткам. Просто посмотреть. Пять минут. Понять устройство вредной ярмарочной выдумки.

— Архип, — сказала Агафья.

— Я быстро.

— У нас сегодня все быстро. Один уже богатырь, другая отшельница.

Архип надел перчатки. Мир сразу стал неприятно правильным. Перед ним положили сломанный замочек. Обычно он сначала ворчал, шурился, пробовал не с той стороны, потом находил свой ход. Теперь руки сами раскрыли замок, заменили пружину и закрыли защёлку.

Быстро. Чисто. Без радости.

— Готово, — сказал продавец.

Архип посмотрел на замок.

— Это не я сделал.

— Ваши руки.

— Руки — да. А голова где была?

Он взял странную петлю и хотел повернуть её по-своему, но пальцы выбрали правильный угол сами. Архипу стало противно. Полонка, упрямый болт, дымящий мотор — это ведь разговор. А тут разговор отняли и выдали инструкцию.

Бурчик стоял рядом и гудел всё тревожнее. На его капоте уже появилась ленточка: «Верный конь настоящего героя».

— Не вздумай, — сказал Архип.

Бурчик обиженно фыркнул и покатил к соседнему шатру. На вывеске значилось: «Сказочные ездовые средства. Обмен образа по желанию владельца или по обиде транспорта».

— Бурчик! Назад!

Трактор не послушался. Он скрылся за пологом так решительно, словно хлопнул дверью.

Архип рванул следом, но перчатки заставили его сначала аккуратно положить инструмент на место. Это заняло пару секунд, а бесило так, будто у него украли полдня. Он стянул перчатки зубами и бросил их на стол.

— Хватит с меня безошибочности.

Из соседнего шатра донёлся топот, потом ржание, потом знакомое моторное возмущение.

На площадь вышел белый конь.

То есть должен был выйти белый конь. Грива сияла, копыта блестели, на спине красовалось седло с кистями. Но глаза были Бурчиковы: упрямые, обидчивые и уверенные, что мир опять недооценил техническое обслуживание.

На боку висела табличка: «Боевой скакун представительского класса».

Архип остановился.

— Мать честная.

Бурчик-конь вскинул голову и заржал. Ржание вышло с тракторным тарыхтением внутри. Продавец ездовых средств держал ведро овса и бумажку.

— Ваш транспорт пожелал соответствовать героическому стилю. Правда, указал особые требования.

— Какие ещё требования?

— Овёс заменить соляжкой. Ржание оплачивать отдельно. Седло не затягивать без диагностики. На скачках делать технические перерывы.

Алёна смеялась. Мирон пытался понять, считать ли Бурчика животным, транспортом или нарушением сразу двух реестров. Прасковья тряслась от невозможности высказаться, а Филимон стоял мрачным богатырём и страдал молча.

— Бурчик, — сказал Архип, — немедленно обратно в трактор.

Конь отвернулся.

— Он обиделся, — сказала Алёна. — Вы пошли к мастеру без ошибок, а он решил, что вам нужен настоящий геройский транспорт.

— Он у меня и так геройский.

Бурчик выразительно фыркнул.

— Ладно, геройский и лучший. Но конём тебе зачем? У тебя копыта без гарантии.

Конь сделал красивый шаг, споткнулся о собственную привычку к колёсам и чуть не задел седлом прилавок. Толпа расхохоталась. Бурчик задрал голову с таким достоинством, что Громыхало возмутился:

— Нарушение строевой дисциплины среди транспорта!

Смех покотился по ярмарке. Люди хлопали, показывали пальцами, спорили, можно ли запряхь Бурчика в телегу. И тут Филимон понял, что у него исчезла первая шутка.

Потом вторая.

Потом прибаутка про козу, которая знала новости лучше Прасковьи. Он хотел ухватить их, но они рассыпались, как сухие листья. На их месте оставалась тяжёлая героическая пустота.

Филимон испугался. Роль не давала испугу выйти наружу. Суровый богатырь не боялся, не суетился, не просил помощи. Он стоял.

Агафья увидела не лицо, а глаза. Подошла быстро.

— Филимон, что с тобой?

Он хотел сказать: «Вытаскивай, Агаша, я глупость сделал». Но голос произнёс:

— Герой не просит помощи.

— Это не ты говоришь.

Прасковья бросилась к ним и замахала руками. Она показывала на плащ, на голову Филимона, потом делала движение, будто что-то стирают тряпкой. Агафья поняла сразу.

— Роль ест память?

Прасковья кивнула так яростно, что накидка наконец сползла с плеч. Она шумно вдохнула и выпалила:

— Роли прирастают! Чем больше смотрим, смеёмся и верим, тем крепче держатся! Филимон забывает шутки, Архип чуть не стал живой инструкцией, а Бурчик теперь конь с претензией на автосервис!

— Говори короче, — сказала Агафья.

— Всё плохо!

— Вот теперь понятно.

Агафья взялась за край Филимонова плаща. Ткань была холодная и тяжёлая. Продавец героических ролей шагнул ближе.

— Осторожно. Договор примерки ещё действует.

— Где договор?

— Молчаливое согласие.

— Молчаливое согласие у нас только у картошки в мешке. Человек молчал, потому что ты ему роль накинул.

Архип подошёл с гаечным ключом.

— Плащ швом держится?

— Историей, — сказал продавец.

— Историю тоже можно расклепать, если найти слабое место.

Агафья посмотрела Филимону в глаза.

— Балагуров, вспоминай любую шутку. Самую глупую. Про курицу, про сапог, про то, как ты Прасковью болотником пугал.

Филимон напрягся. В голове было пусто и торжественно. Он увидел Прасковью — злую и испуганную. Увидел Агафью со скалкой, Архипа с ключом, Бурчика-коня и Громышало на ящике. Все ждали не богатыря. Все ждали его.

На самом дне памяти всплыла маленькая детская присказка.

Он выдал:

— Шёл петух на базар...

Громышало вскинулся:

— Клевета на командный состав!

Толпа прыснула. Плащ дрогнул.

— Купил не зерна, а самовар, — продолжил Филимон, — потому что тоже хотел командовать паром.

Шутка была слабая. Зато своя. Люди засмеялись уже не над ролью, а над Филимоном — с облегчением. Плащ ослаб, и Агафья стянула его с плеч.

— Ещё раз накинешь на кого-нибудь без спроса, — сказала она продавцу, — я тебе трагический взгляд скалкой поправлю.

Филимон сел на пустой ящик. Лицо у него было бледное.

— Я ведь почти забыл, как шутить.

Прасковья села рядом.

— Ничего. Теперь будешь думать, прежде чем примерять.

— Это ты мне говоришь? Ты же сама мудрой отшельницей стала.

— Я исследовала.

— Молча?

— Вот именно. Никому не советую.

Архип тем временем уговаривал Бурчика вернуться в прежний вид. Белый конь стоял боком, не давался снять седло и требовал уважения всем видом.

— Солярки хочешь? — спросил Архип.

Бурчик оживился.

— Сначала обратно в трактор.

Конь мотнул гривой.

— Тогда овёс ешь.

Бурчик посмотрел на ведро овса так оскорблённо, что даже Алёна пожалела его.

Агафья подошла и постучала скалкой по седлу.

— Ну, красавец представительский. Зимой кто тебя заводит будет? Конюх или Архип с паяльной лампой?

Бурчик насторожился.

— А в грязь сядешь? Колёса у тебя были, гусеницы тоже, а копыта эти праздничные. До первой лужи.

Конь опустил голову. Видимо, лужу представил.

— Вот, — сказал Архип мягче. — Ты у меня не хуже коня. Ты лучше. Ты с фарой.

Бурчик тихо заржал, но ржание уже перешло в моторное урчание. Белая грива осыпалась бумажной пылью, копыта снова стали колёсами, седло сползло на землю. Через минуту у шатра стоял обычный Бурчик — важный, обиженный и вполне тракторный.

Смех вернулся, но уже осторожный. Люди начали класть обратно ленточки, пузырьки и корбочки. Лавки чуть потускнели, будто ярмарка недовольно прикрыла глаза.

Агафья обвела всех взглядом.

— Наигрались?

Никто не ответил. Даже Филимон промолчал. Но это было уже его молчание, не чужое.

Из травы вышла Марфа-Полночица. В зубах она несла узкий ярмарочный листок, похожий на чек. Кошка подошла к Агафье, положила бумажку ей под ноги и села рядом. Вид у Марфы был такой, будто люди снова всё поняли позже, чем кошка.

Агафья подняла листок. Мирон сразу наклонился, но она отодвинула его локтем.

— Потом протоколировать будешь.

На чеке не было суммы, печати и подписи. Только одна строка синим ровным почерком: «Один спокойный день уже зарезервирован».

Филимон тихо спросил:

— Это чей день?

Марфа посмотрела на серый шатёр у дальнего ряда. Полог там едва заметно шевельнулся, будто кто-то внутри услышал вопрос и улыбнулся.

Агафья сложила чек и убрала в карман.

— Вот это, — сказала она спокойно, — мы сейчас и выясним.

Глава 4. История без портала

Агафья шла к серому шатру так, будто несла туда не ярмарочный чек, а налоговую проверку. Чек лежал в кармане, сложенный пополам, и неприятно холодил через ткань. Бумажка была тонкая, почти невесомая, но тянула сильнее ведра с водой.

На ней было написано: «Один спокойный день уже зарезервирован».

Спокойный день. Слова вроде хорошие. Нормальному человеку скажи — обрадуется. Агафья же сразу почувствовала подвох. В Заворотино спокойствие бесплатно не выдавали. Если день начинался спокойно, значит, к обеду кто-нибудь находил дверь в чужой мир под курятником, а к вечеру Мирон составлял протокол на говорящую репу.

Прасковья пыталась идти рядом, но Агафья остановила её взглядом.

— Ты куда?

— С тобой. Для поддержки и свидетелей.

— Мне свидетелей хватает. Полдеревни за спиной дышит.

— А если он тебя обманет?

— Тогда ты первая узнаешь. По звуку.

Прасковья посмотрела на скалку в Агафьиной руке и отступила.

— Только не входи одна надолго.

— Я не девочка в лесу. Я женщина с хозяйством.

— Вот именно. Женщин с хозяйством ярмарки особенно любят: у них всегда есть что отнять.

Агафья ничего не ответила. Потому что Прасковья, как назло, сказала умно.

Серый шатёр стоял чуть в стороне от шумных лавок. Там было без пузырьков, фонарей и зывал. Ткань у шатра была простая, пепельная. На вывеске всё ещё темнели слова: «Жизни, от которых вы отказались». Остальные, похоже, видели только узор. Агафья читала ясно, как расписание автобуса.

Полог сам отодвинулся.

Внутри оказалось не темно. Там стоял мягкий вечерний свет, будто солнце зависло за занавеской и не хотело уходить. На полках лежали тонкие книжки, свёртки, коробочки, катушки ниток, старые фотографии без лиц и маленькие дверцы без ручек. Воздух пах пылью, свежим бельём и чем-то домашним. Не ярмарочным. Опаснее.

У дальнего стола стоял тот самый человек в тёмном кафтане. Купец Концовок. Агафья ещё не знала его имени, но сразу поняла: главный здесь он. Не потому что важничал. Наоборот, стоял спокойно, будто всё вокруг давно уже случилось, а он только записывает итог.

— Агафья Ладина, — сказал он. — Хранительница Заворотино.

— Обойдётся без торжеств, — ответила она. — Я по делу.

— У хранителей всегда дело.

Агафья достала чек и положила на стол.

— Это что?

Купец посмотрел на бумажку без удивления.

— Предварительное уведомление.

— У нас такие уведомления через почту ходят. А это кошка принесла.

— Кошки часто доставляют то, что люди не хотят брать руками.

— Не умничай. Кто зарезервировал мой день?

— Разве написано, что ваш?

Агафья прищурилась.

— А чей?

— Тот, кто сильнее всего его захотел.

— Я ничего не хотела.

Купец улыбнулся. Не широко, не нагло. Почти жалостливо.

— Люди часто называют желанием только то, что готовы сказать вслух.

— Ага, а ярмарочные купцы сразу знают, что у кого внутри лежит? Хороший у вас промысел. Налоговая рыдала бы от зависти.

— Мы ничего не берём силой.

— Скажи это Филимону. Он чуть шутки не забыл. И Прасковье, которую молчанием едва не разорвало.

— Они примеряли роли.

— Им дали крючок с ленточкой. А потом сказали: сами подошли.

Купец провёл пальцем по чеку. Синие буквы вспыхнули и снова стали ровными.

— Ярмарка показывает только то, что уже есть в человеке.

— Тогда покажи накладную.

— На что?

— На судьбы. На мечты. На этот твой спокойный день. У меня хозяйство, я знаю: если что-то выдают, оно откуда-то взято. Без накладной даже картошку не принимаю.

Купец на миг растерялся. Видно было: ругаться с ним умели многие, просить тоже. А вот требовать накладную на судьбу ему ещё не доводилось.

— Вы необычная покупательница.

— Я вообще не покупательница. Я пришла вернуть чек.

— Возврат возможен только после осмотра товара.

— Вот оно как. Значит, товар всё-таки есть.

Купец не спорил. Он повернулся к полке и достал маленькую книжицу в серой обложке. Никакого золота, никаких узоров, только мягкая ткань, потертая по краям. На обложке проступили слова: «Жизнь без портала. Тихая, мирная, без тревог».

Агафья сразу почувствовала запах. Чистое бельё после мороза. Печка, в которой ровно горят дрова. Вечерний чай без стука в окно, без срочного спасения лешего и без подписи на акте о незаконном чуде. Запах был такой простой, что стало больно.

Она отвела взгляд.

— Убери.

— Почему?

— Потому что пахнет приманкой.

— Это не приманка. Это возможность.

— Возможность у вас всегда с мелким шрифтом?

Купец положил книжицу на стол, но не придвинул.

— Просто посмотреть, как могло быть. Один день. Без обязательств.

— Я не девочка, чтобы примерять чужие бантики.

— Это не чужой бантик. Это ваша несбывшаяся тишина.

Агафья хотела рассердиться. Честно хотела. Сказать, что у неё и так дел хватает, что тишину ей выдавать не надо, что Заворотино без неё опять что-нибудь купит на ярмарке и начнёт ржать с копытами. Но рука сама задержалась над книжицей.

Серая обложка была тёплой.

— Откуда она взялась? — спросила Агафья.

— Из той жизни, где вы не стали хранительницей.

— Я не выбирала становиться хранительницей. Меня туда скалкой занесло.

— Иногда судьба приходит именно так. Сначала ударом, потом обязанностью.

— Красиво говоришь. Неприятно.

— Зато честно.

Снаружи донеслось возмущённое ржание. Потом голос Архипа:

— Бурчик, я тебе сказал: копыта — обратно!

Агафья резко обернулась. В просвете полога было видно, как Архип возится с белым конём, который недавно снова почти стал трактором, но всё ещё пытался сохранить сказочное достоинство. Бурчик стоял у шатра ездовых средств: передняя часть уже была тракторная, задняя подозрительно конская. Хвост исчезал и появлялся рывками, словно роль не хотела отпускать добычу.

— Не дёргай! — крикнула Алёна. — У него сейчас седло с карданом спорит!

— У него седла вообще быть не должно! — рявкнул Архип.

Мирон бегал вокруг с листом.

— Необходимо установить, является ли объект транспортным средством, животным или временным смещением образа!

— Он является моим Бурчиком! — ответил Архип. — Этого достаточно!

Агафья шагнула к выходу, но Купец тихо сказал:

— Видите? Даже один спокойный день мог бы быть полезен.

Она остановилась.

— Ты на Архипа не кивай. Он без меня справится.

— Я не о нём. О вас.

Агафья обернулась медленно.

— Мне справляться привычно.

— Привычка не всегда радость.

Снаружи Архип почти победил. Бурчик фыркнул мотором, белая пыль осыпалась с гривы, хвост исчез. Но в этот миг ярмарочная музыка изменилась. Она стала ниже, мягче, будто кто-то повернул ручку старого приёмника.

На площади на секунду стало тихо.

Агафья увидела странное: Архип стоял с ключом в руке и не понимал, зачем держит его. Мирон смотрел на бумагу и моргал, будто забыл первую строку протокола. Прасковья открыла рот, но не произнесла ни слова. Филимон держался за край плаща, который уже сняли, и вдруг снова глядел вдаль чужими глазами.

Даже Громыхало на ящике перестал командовать.

Секунда прошла. Шум вернулся. Бурчик обиженно уркнул уже вполне тракторно, Архип выругался под нос и полез проверять колёса. Прасковья заговорила сразу за троих. Филимон выдавил слабую шутку про богатыря без инструкции.

Но Агафья поняла: ярмарка умеет заставить людей забыть, зачем они пришли.

— Хорошая у вас музыка, — сказала она. — Вороватая.

— Она ничего не крадёт.

— Тогда зачем все на миг рот закрыли?

— Чтобы услышать себя.

— Себя я и без вас слышу. Особенно когда устала.

Купец впервые посмотрел на неё внимательнее.

— Вот видите.

Агафья сжала скалку.

— Ничего я не вижу. У меня деревня на Пятачке, люди к чужим ролям липнут, трактор чуть конём не остался, кошка чеки носит. А ты мне книжечку подсовываешь, будто я пришла на базар за платком.

— Вы пришли за ответом.

— Я пришла ругаться.

— Иногда это одно и то же.

Агафья хотела сказать, что сейчас он договорится, но снова посмотрела на книжицу. «Жизнь без портала». Слова были простые, без нажима. Серые. Тихие. И от этого опасные.

Она вдруг представила утро. Обычное. Петух орёт, но не командует. Кошка ест сметану, а не следит за границами миров. Архип чинит свой сарай, Бурчик просто тарахтит. Прасковья обсуждает не магические сделки, а кто у кого капусту затоптал. Внуки приезжают просто на каникулы, без дневников с зубами и детских порталов. Никто не зовёт её хранительницей. Никто не смотрит так, будто от неё зависит, выживет ли очередная сказка.

Только один день.

Мысль была маленькая. Стыдная. Но своя.

Купец не торопил. Это раздражало сильнее, чем уговоры.

— Цена? — спросила Агафья.

— Для примерки — никакой.

— Вот теперь точно врёшь.

— Цена появится, если захотите остаться.

— А если просто посмотреть?

— Просто посмотрите.

— И назад вернись?

— Если назовёте то, что держит вас в настоящей истории.

— Хитро.

— Честно.

— У тебя все слова скользкие.

Купец перевернул книжицу. На последней странице, где должен был быть пустой форзац, проступили мелкие буквы. Очень мелкие. Такие, что их будто стыдно было показывать.

Агафья наклонилась и прочитала:

«Согласие считается молчанием сердца».

— Вот! — сказала она. — Я же говорила, мелкий шрифт. У приличной магии мелкий шрифт на совести висит.

— Сердце редко подписывает бумаги.

— Сердце у меня вообще без доверенности ничего не подписывает.

Купец улыбнулся.

— Тогда вам нечего бояться.

Агафья взяла книжицу. Просто чтобы доказать, что не боится. Обложка легла в ладонь мягко, будто старое полотенце после стирки. Внутри что-то тихо щёлкнуло, но не снаружи — в ней самой.

Снаружи снова донёсся голос Архипа:

— Агафья! Ты там жива?

— Жива! — крикнула она. — И без тебя пока никого не прибила!

— Это хорошо или плохо?

— Это временно!

Она хотела положить книжицу обратно. Правда хотела. Но пальцы не разжались. Не потому что ярмарка держала. Нет. Это было бы проще. Тогда можно было бы сердиться на Купца, на шатёр, на серую обложку. Но книжицу держала она сама.

Один день тишины. Разве это преступление?

От этой мысли стало стыдно. Перед Архипом, Алёной, Марфой и всем Заворотино. Но стыд не отменял усталости. А усталость сидела глубоко. Не сегодняшняя, не после ярмарки. Давняя. С тех пор как каждый день стал не просто днём, а дежурством у чужого чуда.

— Я только посмотрю, — сказала Агафья.

Купец не поклонился. Не улыбнулся шире. Только кивнул, будто услышал не её слова, а то самое молчание, которое было написано мелким шрифтом.

— Конечно.

— И без ваших фокусов.

- Только ваша история.
- Это не моя история.
- Тогда она не удержится.

Агафья сунула книжицу под мышку и вышла из шатра.

Ярмарка шумела. Бурчик снова был трактором, но стоял обиженно и не давал Архипу трогать капот. Прасковья говорила так быстро, словно пыталась наверстать время молчания. Филимон сидел на ящике и осторожно проверял шутки, как зуб после драки. Мирон спорил с печатью, которая записалась в свидетели сама.

Алёна первой заметила книжицу.

- Бабушка, что это?
- Ничего. Посмотрю и верну.

Архип поднял голову.

— Агафья...

В его голосе было не предупреждение. Скорее просьба. Он и сам не понял, о чём. Просто увидел серую обложку и сразу перестал ругаться с Бурчиком.

— Не начинай, Чудин, — сказала она. — Я не маленькая.

— Я знаю.

— Тогда не смотри так.

— Как?

— Будто я уже полезла в прорубь.

Архип помолчал, потом сказал тихо:

— Я бы за тобой полез.

Агафья резко отвернулась к ярмарке.

— Вот и не надо. Вода холодная, а у тебя поясница.

Прасковья подскочила к ним.

— Что за книжка? Откуда? Почему серая? Почему я не видела?

— Потому что тебе не положено всё видеть, — сказала Агафья.

— Это удар по основам моей личности.

— Переживёшь.

Марфа-Полночица вышла из-под шатра и посмотрела на книжицу. Потом на Агафью. Потом отвернулась. Это было хуже любого мяуканья.

— Да видела я твой взгляд, — пробормотала Агафья. — Не учи меня жить, шерстяная совесть.

Марфа пошла рядом с ней до самого дома.

Вечер спустился быстро. Ярмарка осталась на Пятачке, но Агафья велела всем разойтись по домам и выставила дежурство: Мирон с протоколом, Алёна с головой, Архип с инструментами, Прасковья с запретом говорить больше пяти минут подряд. Последний пункт никто не смог выполнить, но попытка была записана как частичный успех.

Дома Агафья поставила чайник, проверила печь, покормила Марфу и долго смотрела на серую книжицу, лежавшую на столе. Книжка не шевелилась. Не светилась. Не шептала. Просто лежала. От этого становилось ещё хуже.

— Ну и что ты хочешь? — спросила Агафья.

Книжка молчала.

— Правильно. Молчи. Мне говорящих предметов хватает.

Марфа сидела на подоконнике и не сводила с неё глаз.

— Не смотри. Я только посмотреть взяла.

Кошка моргнула.

— Вот именно. Посмотрю — и верну. Один день тишины человеку даже врач прописать может. Если врач нормальный, а не межмировой.

Агафья сама услышала, как оправдывается перед кошкой, и рассердилась. На себя, на Купца, на Заворотино, на эту серую обложку. Она взяла книжицу, чтобы убрать в буфет, но та раскрылась сама.

На первой странице ничего не было.

Потом медленно проступила строка:

«Утро без тревог начинается с того, что никто не зовёт».

Агафья закрыла книгу.

— Хватит.

Она легла поздно. Сон пришёл не сразу. За окном где-то далеко звучала ярмарочная музыка. Тихо, почти неслышно. Не песня даже, а напоминание. Агафья повернулась на другой бок и подумала, что утром надо первым делом вернуть книжку. Без разговоров. Без примерок. Без этого глупого «только посмотреть».

Потом подумала: один день тишины. Разве это преступление?

Книжка на столе открылась без звука. Страницы сами перелистнулись. Серый свет вытек тонкой полоской, прошёл по полу, коснулся печи, лавки, половика, Марфиной миски и скалки у двери.

Марфа вскочила, выгнула спину, но не успела даже мяукнуть.

Утро пришло тихо.

Агафья открыла глаза и сразу поняла: что-то не так. Не было привычного дрожания воздуха у окна. Не пахло ярмарочной бумагой. Не слышался далёкий гул Пятачка. Дом стоял обычный, тёплый, простой.

За окном петух закричал обычным петухом.

И от этого стало страшнее, чем от любого дракона.

Глава 5. Утро, в котором петух молчит

Агафья открыла глаза и не сразу поняла, почему ей тревожно. Дом был её. Потолок тот же, с маленькой трещинкой у балки. Занавеска на окне та же, с выцветшими васильками. Печь тихо держала тепло, половик лежал у кровати чуть криво, как всегда после Марфиных ночных прогулок.

Только что-то важное исчезло.

Она полежала ещё несколько секунд, прислушиваясь. Обычно утро в Заворотино началось не просто звуками, а распоряжениями. Генерал Громыхало командовал курами, Марфа скреблась у двери с видом свидетеля мирового заговора, где-то за окном могло пискнуть яйцо с предсказанием или хлопнуть маленькое порталное эхо.

Сегодня петух просто кукарекал.

Обычным петухом. Без построения, тревоги и обвинений соседского кота в диверсии. Крикнул, замолчал, потом подал голос ещё раз — именно так, как должен нормальный деревенский петух, у которого нет должности и завышенного мнения о себе.

Агафья села на кровати.

— Громыхало?

За окном снова прокричал петух. Ничего больше. Ни «подъём», ни «нарушение границы», ни «куры клевать без приказа не имеют права».

— Вот тебе и доброе утро, — сказала Агафья.

Марфа лежала на сундуке у стены. Старая кошка сонно приоткрыла один глаз, потянулась и зевнула. Ни тревоги, ни тяжёлого взгляда в угол, ни намёка, что где-то опять открылась щель между мирами.

— Марфа, — позвала Агафья. — Иди сюда.

Кошка спрыгнула, подошла, потерлась о ногу и мяукнула. Обыкновенно. Даже ласково. Агафья наклонилась и посмотрела ей в глаза. Глаза были жёлтые, внимательные, кошачьи. Но в них не было того старого знания, от которого иногда хотелось спросить разрешения, прежде чем ставить чайник.

На столе не было серой книжки. Не было ярмарочного чека. Скалка висела у двери, обычная, деревянная, без тёплого отклика в руке. Агафья сняла её с крючка, взвесила и постучала по ладони.

— Ну? Что скажешь?

Скалка ничего не сказала. И даже не намекнула.

Это было глупо, но Агафья обиделась. За годы чудес она привыкла, что вещи в Заворотино если и молчат, то с характером. А тут молчали просто потому, что были вещами.

Она быстро оделась, завязала платок и вышла во двор. Куры копались у забора. Петух молчал по-человечески: важно ходил между ними, но важность у него была птичья, не генеральская. На Агафью он посмотрел пустым круглым глазом и снова принялся искать зерно.

— Громыхало, — сказала она строго.

Петух наклонил голову, будто решил, не съедобно ли это слово.

— Ах ты ж безобразник пернатый, — пробормотала Агафья. — Раньше тебя рот закрыть было нельзя, теперь слова не добьёшься.

Она насыпала зерна. Куры бросились к кормушке без строя, без команды, без спора о боевой готовности. В другой день Агафья порадовалась бы такому порядку. Сегодня порядок казался подозрительным.

У окна не дрожал воздух. Возле старой калитки не теплилась медная щеколда. В углу двора, где ещё вчера должна была стоять безопасная игровая калитка, торчали обычные доски старого забора. Ни меловых корабликов, ни следов детской магии.

Агафья подошла и провела рукой по доскам. Шершавая древесина. Заноза. Пыль.
— Значит, вот как, — сказала она тихо.

Она пошла к Чёртову Пятачку почти бегом. Потом заставила себя замедлиться. Негоже хозяйке нестись по деревне с видом человека, за которым гонится собственный сон. Тем более деревня выглядела мирно. Дымки поднимались из труб, у Петровых кто-то колот дрова, на дороге лежала собака и лениво чесала ухо.

Возле магазина две соседки обсуждали сахар и рассаду. Ни слова о ярмарке. Ни о ролях, ни о Бурчике-коне, ни о Филимоне, который чуть не забыл шутки.

— Доброе утро, Агафья Петровна, — сказала одна. — Вы сегодня раненько.

— Раненько, — ответила Агафья. — А на Пятачке что?

— На каком?

— На Чёртовом.

Женщина удивилась.

— Да ничего там. Пустырь как пустырь. Полянть одна. Мальчишки раньше туда бегали, сейчас и они не ходят.

Агафья посмотрела на неё внимательно. Соседка говорила спокойно, без хитрости. Для неё Чёртов Пятачок был простым пустырём — не дверью между мирами, а никому не нужным лысым куском земли.

— Ясно, — сказала Агафья.

— А что случилось?

— Да так. Проверяю, не заросло ли.

— Заросло, конечно. Кому оно надо?

Агафья пошла дальше. Эти слова почему-то ударили сильнее, чем следовало. Кому надо? Ещё вчера надо было всем: ведомству, нечисти, детям, ярмарке, сказкам, да и ей самой, хотя она в этом редко признавалась. А теперь место стало никому не нужным.

Пятачок действительно оказался пустырём. Полянть, сухая трава, несколько камней, следы старых кострищ. Никакого круга с тревожной тишиной. Никакой афиши без гвоздей. Никаких шатров из книжных страниц. Даже воздух не дрожал.

Агафья прошла до середины и остановилась. Здесь, где раньше мог открыться проход куда угодно, теперь под ногами хрустела сухая ветка. Она наклонилась, подняла камешек и бросила его в сторону. Камешек упал просто на землю: ни исчезновения, ни звона о невидимую дверь, ни межмировой комиссии.

— Ну и ладно, — сказала Агафья.

Получилось неубедительно.

На обратном пути она специально свернула к бывшему клубу. Сердце неприятно ёкнуло ещё издалека. Там не было вывески «Тихий Пятачок». Не было расписания лечебной зарядки для леших. Не было Дуниного платка на перилах, Кощеева ворчания из окна, драконьего дымка над теплицей.

Клуб стоял закрытый. Дверь перекосилась, на окнах висели серые доски. На стене болтался старый обрывок афиши про концерт десятилетней давности. Возле крыльца росла крапива.

Агафья поднялась на ступеньку и дёрнула дверь. Заперто. Изнутри пахло пылью и пустотой.

— Дом отдыха, значит, отменяется, — сказала она. — И некому теперь кашу варить на нечистую душу.

Ей стало странно. Не страшно ещё. Скорее пусто. Будто из большого шкафа вынули шумные вещи, которые мешали, падали, цеплялись, а теперь шкаф чистый и аккуратный. Только пользоваться им почему-то не хочется.

От клуба она пошла к Архипову сараю. Бурчик стоял у ворот. Старый мини-трактор, облезлый, с потускневшими фарами, чуть просевший на одно колесо. Просто техника. Ни обиженного урчания, ни важного фыркания, ни ревности к телеге.

Агафья подошла и машинально постучала по капоту.

— Ну что, представительский транспорт? Молчишь?

В ответ послышался только скрип остывшего железа. На капоте лежала пыль. Никакого характера. Даже обидеться было некому.

— Эх ты, — сказала Агафья. — А ведь вредный был. Зато свой.

В сарае звякнул инструмент. Архип, видно, был внутри. Агафья уже подняла руку, чтобы постучать, но остановилась. Что она ему скажет? «Чудин, твой трактор больше не живой, петух не говорит, а Пятачок зарос полынью»? Он решит, что она ночью дурной сон видела.

Из сарая донёсся голос Архипа:

— Кто там?

Голос был его. Тот же. Чуть хриплый, живой, с привычной смешинкой. Агафья почему-то обрадовалась и тут же рассердилась на себя.

— Это я.

Архип вышел с тряпкой в руках. Усы чуть в сторону, рубаха в масляном пятне, взгляд внимательный. Всё как надо. Только в нём не было той уверенной тревоги хранителя, который привык чинить невозможное. Перед ней стоял сосед. Хороший, рукастый, немного чудной. Но просто сосед.

— Агафья Петровна? Что-то случилось?

«Петровна». Вот тут её будто холодной водой облили. В настоящем Заворотино он давно так не говорил, разве что при чужих или когда виноват. А тут произнёс вежливо, по-соседски, с осторожной дистанцией.

— Да нет, — сказала она. — Шла мимо. Смотрю, Бурчик стоит.

Архип оглянулся на трактор.

— Стоит, куда ему деваться. Завести бы надо, да руки не доходят. Старый уже.

— Он у тебя не старый, а избалованный.

Архип усмехнулся.

— Это вы его баловали, что ли?

Агафья хотела ответить: «Мы все его баловали, пока он конём не прикинулся», но прикусила язык.

— С железом разговаривать надо, — сказала она. — Оно тогда лучше служит.

— Это верно. Только если железо начнёт отвечать, я первым делом брошу пить чай у Филимона.

Он сказал это легко. Шутка была обычная, деревенская. Никакого знания, никакой памяти. Агафья кивнула и пошла прочь, потому что ещё немного — и она начнёт объяснять ему про живой трактор, ярмарку, роль мастера без ошибок и серую книжку.

— Агафья Петровна, — позвал Архип.

Она обернулась.

— Калитка у вас скрипит. Вечером зайду, посмотрю?

Сердце сделало глупый шаг вперёд, раньше головы.

— Если время будет, зайди.

— Будет.

Он улыбнулся неловко, будто сам удивился, что предложил. Агафья быстро отвернулась и пошла домой. Дорога казалась обычной до обидного: пыль, трава у заборов, курица возле лужи, соседский мальчишка с велосипедом. Мир стоял ровно: без треска, мигания и срочных решений.

К обеду Агафья уже проверила всё, что могла. Чёртов Пятачок был пустырём. Клуб был заброшен. Калитка была обычной. Петух молчал по-человечески, то есть по-петушину. Марфа ела сметану, умывалась и не смотрела в углы. Скалка не грелась в руке.

И самое странное — никто не звал.

Не прибежал Мирон с протоколом. Не звонила Алёна: «Бабушка, у нас тут маленькая юридическая катастрофа». Никто не стучался с жалобой на сову, не кричал про конец света и не гудел у ворот, требуя уважения.

Агафья поставила чайник. Села за стол. Посмотрела на чашку.

Чайник закипел и просто засвистел.

— И всё? — спросила Агафья.

Чайник молчал. Пар шёл ровно, без букв, предсказаний и намёков.

— Совсем техника обленилась, — сказала она. — Хоть бы «осторожно» написал для приличия.

Она налила чай, достала хлеб, варенье, кусок сыра. Села удобнее. Подождала, что сейчас что-нибудь случится. Ничего не случилось. Куры не ворвались в дом с требованием защиты. Марфа не принесла чек. За окном не возникла чужая дверь.

Агафья сделала первый глоток. Чай был горячий.

Она даже вздрогнула. Горячий. Не остывший за время спасения очередной беды, не забытый на краю стола, не выпитый на бегу между порталом и санаторием. Обычный горячий чай.

Агафья медленно отпила ещё. Потом ещё.

В груди что-то отпустило. Не всё, но немного. Она положила ладони на стол и впервые за долгое время позволила себе просто сидеть. Дом был тихий. За окном шумела листва. Марфа устроилась на подоконнике и щурилась на солнце. Петух где-то во дворе кукарекнул, но без командного состава.

— Вот, значит, как люди живут, — сказала Агафья.

Сначала она сказала это с подозрением. Потом — почти с завистью.

После чая она вышла в огород. Полола грядку, подвязала помидоры, собрала огурцы, поругала сорняки. Сорняки были просто сорняками: без обид, споров и планов захватить мир через корневую систему. Работа шла легко, потому что никто не отвлекал.

У забора остановилась Прасковья. Обычная Прасковья: в цветастом платке, с сеткой в руке, живая, быстрая. Но речь шла не о ярмарке, а о недосказанных признаниях и сером шатре. Она рассказывала, что у Петровых коза влезла в капусту, а у Филимона племянник прислал какую-то городскую кофеварку.

— Представляешь, кофеварка сама воду греет и пыхтит. Я ему говорю: Филимон, у тебя теперь почти жена. Только молчит и кофе даёт.

Агафья усмехнулась.

— Филимон с молчаливой техникой не уживётся.

— А с говорящей, думаешь, ужился бы?

Прасковья засмеялась. Агафья тоже. И на миг стало легко. Прасковья была рядом, Архип обещал зайти, огород не горел, мир не требовал, чтобы его чинили скалкой.

Только потом Агафья спросила:

— Прасковья, а ты про Чёртов Пятачок что-нибудь слышала?

— Про пустырём-то? Да что про него слышать. Бросовое место. Раньше дети там костры жгли, теперь полынь одна.

— А если бы там ярмарка появилась?

Прасковья прищурилась.

— Какая ярмарка?

— Ну... странная. Сказочная.

— Агаша, ты на солнце не перегрелась? Сказочная ярмарка у нас если и будет, то только в клубе на Новый год. И то с баяном, который плачет.

Агафья кивнула. Прасковья посмотрела на неё внимательнее.

— Ты чего сегодня чудная?

— Не знаю.

— Давление?

— Может, и давление.

— Ты поешь нормально. А то начнёшь мне тут пустыри со сказками придумывать.

Прасковья ушла дальше, а Агафья осталась у забора. Смешно. В настоящем Заворотино Прасковья первая поверила бы в ярмарку, ещё и три версии бы добавила. Здесь она жалела подругу и советовала поехать.

К вечеру тишина уже не резала. Она стала мягче. Агафья приготовила ужин, убрала со стола, подшила полотенце. Никто не постучал. С улицы не закричали. Летающий протокол не прилетел. Она поймала себя на том, что ждёт беду, как ждут запоздалого гостя, а гость всё не идёт.

И это было не только страшно.

Это было приятно.

Приятно — вот что хуже всего. Не надо было никуда бежать. Не надо было решать, кого спасти первым: лешего, трактор, ревизора или собственную внучку. Не надо было быть центром, вокруг которого всё крутится. Можно было просто быть хозяйкой своего дома.

Она снова поставила чайник. На этот раз не спрашивала у него пророчеств. Просто налила чай и села у окна. Небо медленно темнело. Деревня затихала. Где-то лаяла собака, стучало ведро, хлопнула дверь у соседей.

По дороге прошёл Архип.

Он нёс ящик с инструментами. Остановился у её калитки, посмотрел на дом. Постоял. Агафья сидела у окна и видела, как он переминается с ноги на ногу. Сейчас зайдёт, подумала она. Скажет про калитку. Попросит чаю. Сядет на край табурета и будет шутить про петли.

Архип поднял руку, будто хотел открыть калитку.

Потом опустил.

Постоял ещё немного, поправил ящик и пошёл дальше по дороге, не оглянувшись.

Агафья сидела с чашкой в руках. Чай был горячий, вечер тихий, дом целый. Всё было спокойно. Почти хорошо. Но за калиткой только что прошёл человек, который в этой жизни так и не решился войти.

Глава 6. Сосед Чудин и недосказанный чай

Калитка скрипнула сама по себе, когда Агафья вышла утром во двор. Скрип был самый обычный, деревянный, хозяйственный, без всяких намёков на портал, старую магию или недовольный голос межмирового замка. Но после вчерашнего вечера этот звук всё равно заставил её остановиться.

Она посмотрела на петли. Ржавчина, перекося, старая щепка под нижней доской. Всё объяснимо. Всё просто. Даже обидно.

— Ну хоть ты не притворяйся загадкой, — сказала она калитке. — Скрипишь — значит, чинить надо.

Марфа сидела на крыльце и умывалась. Обычная кошка. Сметану ела, в пустой угол не смотрела, на слова не обижалась. Агафья уже третий раз за утро ловила себя на том, что ждёт от неё знака. Марфа только чесала за ухом и всем видом показывала: знаки — это не её смена.

Петух во дворе кукарекнул. Просто так. От солнца, от кур, от собственной петушиной важности. Без приказов.

— Молчишь, генерал в отставке, — проворчала Агафья. — Службу прогулял.

Она занялась хозяйством, но руки всё время возвращались к вчерашнему. Архип остановился у калитки, поднял руку, опустил и ушёл. В настоящем Заворотино он бы уже вошёл. Может, с глупой фразой, может, с гайкой, может, с таким видом, будто его лично послали спасать вселенную через ремонт петли. А здесь прошёл мимо, потому что не было повода. Или смелости. Или той общей беды, после которой люди перестают стесняться лишнего шага.

К полудню он всё-таки пришёл.

Агафья услышала шаги у ворот и почему-то сразу поняла: Архип. Не по магии. По скрипу ящика с инструментами, по короткому кашлю, по тому, как человек остановился перед калиткой и не сразу вошёл.

Она вышла на крыльцо, вытирая руки о передник.

Архип стоял за калиткой. В одной руке держал ящик, в другой — новые петли, перевязанные верёвочкой. Петли блестели. Не празднично, конечно, но старательно. Для Архипа Чудина это было почти как букет. Неромантичный, железный, зато полезный.

— Здравствуйте, Агафья Петровна, — сказал он.

Опять «Петровна». Вежливо, по-соседски, будто между ними вся жизнь состояла только из общего забора, редких разговоров у магазина и просьб наточить нож.

— Здравствуй, Чудин. Чего застыл? Калитка сама тебя не починит.

Он улыбнулся, но вошёл не сразу.

— Я думал, мало ли. Может, неудобно.

— Неудобно, когда калитка на человека падает. А ты пока просто стоишь.

Архип открыл калитку, и она тут же заскрипела так жалобно, будто хотела участвовать в разговоре.

— Видите, просится, — сказал он. — Петли совсем разболтались.

— Так чини. Чего с ней беседовать?

Он поставил ящик у столба, достал отвёртку, молоток, баночку с гвоздями. Движения были знакомые: уверенные, быстрые, умные. Агафья невольно залюбовалась руками. Они и здесь были теми же самыми руками — могли из старого железа сделать нужную вещь и починить то, что другой давно бы выбросил.

Только в этих руках не было привычной дерзости. В настоящей жизни Архип спорил с предметом, уговаривал, ругался, обещал ему новую судьбу. Здесь он просто делал работу. Хорошо, аккуратно, без чуда.

— Петли новые принёс, — сказал он, словно оправдываясь. — Старые уже не держат.

— Вижу.

— Можно было бы и старые подтянуть, но ненадолго.

— Ты мне теперь доклад по калитке читаешь?

Архип смутился.

— Да нет. Так, к слову.

Агафья ждала, что он сейчас скажет что-нибудь в своём настоящем духе: про боевую калитку, про оборону хозяйства, про то, что без него тут вся деревня перекосятся. Но он молча открутил старую петлю и положил её на край ящика.

Правильный. Осторожный. Чужой.

Она присела на скамейку у крыльца и стала чистить лук для обеда. Не потому что лук был срочно нужен. Просто надо было занять руки. Когда руки заняты, сердцу меньше места для глупостей.

— Бурчик-то у тебя давно стоит? — спросила она.

Архип поднял голову.

— Трактор? Да года три почти не заводил. Запчасти нужны, да всё откладываю.

— Непорядок.

— Непорядок, — согласился он. — Всё думаю: займусь. А потом то крыша, то сарай, то соседу насос.

— Он у тебя живой был бы, если бы ты с ним чаще разговаривал.

Архип засмеялся.

— Живой трактор? Это вы, Агафья Петровна, сильно сказали.

— А что? Железо тоже обижаться умеет.

— Тогда мой Бурчик давно должен был уйти от меня к человеку с гаражом получше.

— Не ушёл же.

— Потому что колёса спустили.

Агафья усмехнулась. Вот это уже было ближе к нему настоящему. Но всё равно не то. Не было в голосе той широкой смешливой уверенности, с которой он раньше называл Бурчика боевым конём, а потом сам же догонял его по деревне.

Где-то в груди тихо кольнуло.

— Чай будешь? — спросила она.

Архип замер на полсекунды. Совсем чуть-чуть, но Агафья заметила.

— Да я с руками грязными.

— Руки помоешь.

— Я быстро закончу и пойду.

— Калитка от чая не развалится.

Он снова улыбнулся, но не поднялся.

— Спасибо. Может, потом.

Это «потом» легло между ними, как доска на канаву: вроде перейти можно, а никто не идёт.

Агафья встала, унесла лук в дом и поставила чайник всё равно. Назло кому — не знала. Чайник зашумел просто водой, без предсказаний. Она достала две чашки, потом посмотрела на них и одну убрала обратно. Постояла. Достала снова.

— Дура старая, — сказала сама себе тихо.

Марфа, сидевшая на подоконнике, зевнула. В её зевке не было ни осуждения, ни поддержки. Просто кошка.

Во дворе Архип снял вторую петлю и теперь примерял новую. Калитка держалась на его плече, будто доверилась больше, чем хозяйка. Агафья вынесла кружку с водой и полотенце.

— На. Руки сполосни.

— Спасибо.

Он мыл руки над тазом, стараясь не брызгать. В настоящем мире он бы обязательно плеснул лишнего, сказал бы, что вода сама пошла в атаку, и Громышало с крыльца дал бы команду к обороне. Здесь вода просто стекала в таз.

— Ты чего сегодня тихая? — спросил Архип.

— Я?

— Ну да. Обычно вы... бодрее.

— Это ты меня сварливой назвал?

— Нет. Бодрой. Это другое.

— Смотри у меня.

Он поднял руки, показывая, что сдаётся. И опять — осторожно, вежливо. Как сосед с соседкой, а не человек, который в другой жизни мог сказать «моя хранильница» и получить за это взгляд, но всё равно светиться целый день.

Агафья поставила на столик у крыльца две чашки.

— Садись. Пять минут найдёшь.

Архип посмотрел на калитку, на ящик, на дорогу.

— Если не помешаю.

— Кому? Калитке?

— Вам.

— Мне мешают сорняки, куры и люди с глупыми вопросами. Ты пока только с петлями пришёл.

Он сел на край скамьи, не раскладываясь, будто готов был в любую секунду вскочить и уйти. Чашку взял двумя пальцами. Агафья смотрела и злилась. На него — за осторожность. На себя — за то, что ждёт другого. На этот тихий мир — за то, что он ничего не сделал плохого, а всё равно обокрал.

— Хороший чай, — сказал Архип.

— Обычный.

— У вас всегда вкусный.

Агафья чуть не ответила: «Потому что ты обычно пьёшь его после катастрофы». Но сдержалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.